

Т. Я. Хабриева¹

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ФОКУСЕ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

Юридическая наука сегодня становится все более восприимчива к достижениям других отраслей научного знания, как естественного, так и гуманитарного². Правоведы в процессе доктринального освоения явлений и процессов, функционирующих и протекающих в государственно-правовой сфере, все чаще используют понятийно-категориальный аппарат, результаты ис-

следований и методологический инструментарий других наук (философии, социологии, психологии, физики, химии и др.). Это позволяет обогатить методологию юридических исследований, расширить их теоретическую и эмпирическую базы, в новых ракурсах увидеть изучаемые объекты, вследствие чего получить новые данные о закономерностях их развития и приумножить доктринальное знание. К тому же такой подход, преодолевающий жесткие границы отраслевой обособленности, дает возможность развивать новые междисциплинарные направления в науке.

¹ Директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель Президента РАН, академик РАН, профессор кафедры конституционного права МГИМО (Университет) МИД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Республики Татарстан. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Конституционная реформа в современном мире», «Венецианская комиссия как субъект интерпретации права», «Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика», «Национально-культурная автономия в Российской Федерации», «Теория современной конституции» (в соавт.); «„Цветные революции“ и „арабская весна“ в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование» (в соавт.), «АСЕАН — движущая сила региональной интеграции в Азии» (в соавт.), «Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей» (в соавт.) и др. Главный редактор «Журнала российского права», «Журнала зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», член редакционных советов журналов «Государство и право» и «Конституционное и муниципальное право». Представитель РФ в Венецианской комиссии Совета Европы (Европейской комиссии за демократию через право). Действительный член Международной академии сравнительного права. Член Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции; член Комиссий при Президенте РФ по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров, по государственным наградам; член Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности; член Правительственной комиссии по проведению административной реформы; член Экспертного совета Управления Президента РФ по обеспечению конституционных прав граждан; член Научного совета при Совете безопасности РФ и др. Заместитель председателя Международного союза юристов; член Президиума Ассоциации юристов России. Награждена орденами «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени, орденом Почета, орденом Дружбы и др. Почетный доктор СПбГУП.

² Так, в методологии юридической науки нашли отражение идеи философов о типах научной рациональности и научной картине мира, роли культуры в развитии человеческой цивилизации, государства и права, сложных человекообразных систем и закономерностях их развития, основных противоречиях современной эпохи и смене ценностей, новых векторах, возможных сценариях цивилизационного развития, понимании человека (на фоне открывшихся возможностей доведения человека до уровня машины и машины до уровня человека) и др. Востребованными оказались выводы экономистов, социологов и психологов о специфике современного общества (постиндустриального, цифрового, программируемого), изменении его структуры (появлении сетевых сообществ, новых социальных страт, установлении новых и коррекции сложившихся связей между социальными общностями и их членами), особенностях волеобразования в нем (об отличительных признаках мышления современного человека, индивидуального и общественного сознания, влиянии современных информационно-коммуникационных технологий на формирование мировоззрения, о механизмах образования индивидуальной и «общей» воли, посредничестве в процессах волеобразования и волеизъявления в виртуальном пространстве), роли личностного субстрата в правообразовании (об изменениях в понимании личности, новых лицах — нечеловеческих сущностях, различиях потенциальных и фактических возможностей людей, их объединений и компьютерных программ участвовать в этом процессе). В категориальной матрице правоведения все чаще фигурируют в качестве операциональных фундаментальные понятия культуры, философии, физики и даже химии (сложные саморегулируемые системы, фазовый переход, алгоритм, программный код, традиция).

К осмыслению правовых явлений современного мира можно подходить с разных позиций. Любопытная картина открывается при использовании *сюжета* и *фабулы* в качестве инструментальных литературных категорий наряду с известными категориями «сущность» и «явление», «содержание» и «форма», «материя», «пространство», «время» (при этом они приобретают методологическое значение, так как применяются в качестве познавательного инструмента). В этом случае ход событий (*сюжет*), связанных с констатированным философами изменением технологического уклада жизни общества и переходом человечества к новому типу цивилизационного развития, рассматривается в контексте основного конфликта (*фабулы*), имеющего социально-гуманитарное содержание, который по ходу этих событий развивается. Данный ракурс вновь актуализирует рассмотрение права, его роли и возможностей как важнейших средств разрешения социальных конфликтов и противоречий, преодоления или снижения их остроты.

Современная наука объясняет процессы мирового развития, руководствуясь принципом *поликаузальности* (многопричинности). В связи с этим выделяется целый ряд факторов, оказывающих на него воздействие и (или) детерминирующих его. В их числе цивилизационные кризисы (экологический и антропологический и пр.), процессы глобализации и деглобализации, технологический прогресс. Комбинация факторов не статична, роль и значение того или иного фактора меняются с течением времени.

Результаты фундаментальных исследований дают основания для вывода, что ведущим фактором общественного и мирового развития становятся технологические инновации, оказывающие решающее воздействие на общество, основные сферы его жизни. Их стремительное приращение происходит в широком диапазоне (информационно-коммуникационные, нано-, био- и когнитивные технологии), а интенсивное распространение детерминирует глобальные общественные трансформации, обуславливающие вектор и тренды в эволюции человеческой цивилизации.

Новые технологии меняют сферы и способ производства (причем не только продуктов питания, материальных благ, но и самого человека), распределения, потребления, социальной коммуникации и управления,

расширяют состав субъектов социального и правового взаимодействия и, как следствие, ведут:

— к деформации универсальных ценностей и жизненных смыслов (человек, природа, деятельность, традиции и новации, личность, рациональность, власть);

— изменению социальной структуры (на смену классам, социальным стратам приходят сетевые сообщества), размыванию традиционных общественных институтов (например, семьи);

— ослаблению социальных связей, атомизации индивидов;

— доминированию в социальной жизни отношений, связанных с формированием человеческого капитала;

— переходу (начавшемуся, но еще не завершившемуся¹) к новому технологическому и экономическому укладу жизни общества, новой «социально-экономической формации».

Таким образом, в самом общем виде технологический сюжет в мировом развитии состоит в том, что человеческая цивилизация и общество (как сложные саморазвивающиеся системы) в результате технологического прорыва перешли в стадию качественных перемен — «фазового перехода»², «сдвига в цивилизации» (именуемого Э. Ласло макросдвигом³), за которым следует утверждение нового типа общества (общественно-экономической формации) и вектора цивилизационного развития.

Его особенность состоит в том, что «экспозиция» и «завязка» (как элементы сюжета) уже известны и более или менее понятны, но сценарии развития действия, его «кульминация», а тем более «развязка» и «постпозиция» неясны. Они весьма вариативны, точно не определены и не предустановлены.

Очертания нового (будущего) общества, его экономической основы, социальной структуры (несмотря на множество футурологических предсказаний) еще не видны (даже институты РАН пока воздерживаются от сколько-нибудь конкретных прогнозов⁴). Есть разные предположения, согласно некоторым из них экономическим базисом нового общества будет «цифровая экономика», а само оно приобретет качества программируемого. К тому же ожидаются существенные изменения в его структуре, социальном регулировании, системе ценностей и др.⁵ Однако судить об их досто-

верности пока затруднительно. Они, как и положено, носят вероятностный характер. Верифицировать их позволит время, являющееся «предпосылкой развертывания сюжета».

Причины существующей неопределенности состоят в том, что:

— во-первых, фазовый переход включает три стадии; более или менее четкие очертания качественно нового состояния системы можно фиксировать только на третьей (последней) стадии, когда из всех конкурирующих сценариев уже выделился доминирующий, развитие системы (в нашем случае — общества) уже подчинено ему и пройдена точка невозврата⁶. В настоящее время, по оценкам ученых, человеческое общество находится на первой стадии фазового перехода, когда еще только начинают формироваться конкурирующие сценарии дальнейшего цивилизационного и общественного развития. Поэтому любые прогнозы весьма вероятностны, вариативны и их трудно верифицировать в данный момент времени;

— во-вторых, сложно спрогнозировать дальнейшее приращение и «поведение» конкретных технологий, их вектор, масштаб, а также последствия для человека и общества. Достоверной и достаточной информации об этом мало, и она доступна посвященным — ограниченному кругу специалистов, которые не спешат ее раскрывать;

— в-третьих, современные прогнозы строятся преимущественно на основе метода экстраполяции. Фазовый переход является той точкой (в терминологии других современных концепций — это точка технологической сингулярности⁷), за которой экстраполяция теряет всякий смысл, так как в качественно новом состоянии системы ранее сложившиеся тенденции, механизмы, закономерности и программы уже не воспроизводятся, а развитие системы происходит согласно новой логике. Данное обстоятельство также осложняет научное предвидение сценария будущего развития общества.

В то же время утверждение в науке идей конструктивизма, постулирующих, что будущее не столько теоретически предсказывается, сколько практически шаг за шагом создается, нацеливает на управление протекающими процессами, создание новых и адаптацию к изменившимся условиям традиционных инструментов. Одним из них является право, имеющее свойство опережающего отражения действительности и конструирования социальной реальности. Именно на него

¹ Переходное состояние характеризуется: 1) одновременным существованием двух технологических и экономических укладов — привычного, давно сложившегося и нового, нарождающегося под воздействием стремительного развития и проникновения во все сферы жизни общества прежде всего новых информационно-коммуникационных и цифровых технологий; 2) постепенным изменением баланса между ними в сторону последнего, усилением тенденций к смене одного другим.

² См.: *Стетин В. С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.

³ *Ласло Э.* Макросдвиг. М.: Тайдекс Ко, 2004. С. 16–21. Макросдвиг в терминологии Э. Ласло — это бифуркация в динамике эволюции общества, человеческой цивилизации в ее квазицелостности.

⁴ См.: Перспективные проекты XXI века: конструирование современной социальной реальности / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Вече, 2018. Т. 1.

⁵ См.: *Хабриева Т. Я.* Правосудие в социогуманитарном дискурсе глобальных общественных трансформаций // *Экономическое правосудие на Дальнем Востоке.* 2018. № 2 (11). С. 17–23.

⁶ См.: *Стетин В. С.* Указ. соч.

⁷ Термин «сингулярность» заимствован у математиков и астрофизиков, которые используют его при описании космических черных дыр и в некоторых теориях начала Вселенной. В данном понимании впервые термин «сингулярность» был употреблен в середине XX века Джоном фон Нейманом (см.: *Neumann J. von.* *Mathematical Foundations of Quantum Mechanics.* Princeton Univ. Press, 1955). Он использовал его в математическом, а не в астрофизическом понимании, то есть как точку, за которой экстраполяция начинает давать бессмысленные результаты. Об этом писал Вернон Виндж, которому обычно приписывают авторство этого термина (см.: *Vinge V.* *The Coming Technological Singularity.* 1993). Научным обоснованием наступления сингулярности активно занимался Рэймонд Курцвейл (*Kurzweil R.* *The Singularity is Near.* N. Y.: Viking Books, 2005). См. также: *Панов А. Д.* Технологическая сингулярность, теорема Пенроуза об искусственном интеллекте и квантовая природа сознания // *Метафизика.* 2013. № 3 (9). С. 141–188.

правоведы (и не только) возлагают большие надежды, связанные с дальнейшим упорядочением и контролем над происходящими общественными трансформациями, социально-экономическим и технологическим прогрессом.

Современным трендом технологического развития является конвергенция инноваций, образующих так называемую большую четверку конвергентных (или конвергирующих) технологий, обозначаемую аббревиатурой NBIC-технологии (нано-, био-, информационно-коммуникационные, когнитивные).

Конвергенция технологических инноваций предполагает, что атомы, цепи, код ДНК, нейроны и биты будут взаимозаменяемыми¹. Это дает основания прогнозировать, что продуктом технологических практик и их конвергенции станет вездесущая реальность гибридов природы и культуры, квазиобъектов, «граничных» объектов или «субъект-объектов», которые «перешагивают через барьеры между культурой и природой, деятелем и материалом»². Такого рода конвергенция (конвергенция на наноуровне) постепенно приобретет черты всеобщей закономерности бытия не только человека, но и сложных человекообразных систем, в частности права.

Философы связывают с развитием конвергентных технологий перспективу создания: 1) техномиров, разумных и саморазвивающихся, в которых антропосфера в трансгуманистическом пределе может ими поглощаться; 2) нейромиров, обеспечивающих уход от контакта с материальной реальностью в виртуальные миры, несущих угрозу диссоциации субъектности человека в сетях киберклонов и аватаров, с которыми человек может сотрудничать, соперничать или полностью раствориться в них. NBIC-технологии являются посредниками и фундаментом этих двух миров и существующей реальности³.

Данные констатации, выводы и прогнозы имеют принципиальное значение для юридической доктрины, так как содержат указание на реальные и потенциальные изменения общенаучной картины мира, что повлечет за собой изменение картин мира, сформированных различными отраслями научного знания, в том числе юридической наукой.

Юридическая доктрина воспринимает фактор конвергентных технологий дифференцированно. Вследствие этого в правоведении сформировался «шаблон», согласно которому право отвечает (должно отвечать) на вызовы развития каждого вида технологий в отдельности⁴. В настоящее время в юридическом дискурсе

¹ Bouchard R. BioSytemic Synthesis // Science and Technology Foresight Pilot Project, STFPP Research Report. Ottawa, 2003. June. № 4.

² Дэвис Э. Техногнозис: мир, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург : Ультра : Культура, 2008.

³ В. И. Аршинов и В. Г. Буданов заявляют также о необходимости третьего, вечного проекта, именуемого ими «Возвращение в Эдем». Он — основа христианского (и не только), гуманистического мировоззрения. Здесь человек преобразует не природу и материю, а себя через духовные культурные практики, восходя к человеку целостному, совершенному, соединяясь с ноосферой (см.: Аршинов В. И., Буданов В. Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59–70).

⁴ При этом юридическая наука пока не видит принципиальной разницы между процессами взаимодействия права с NBIC-

«лидирует» проблема цифровизации (цифровых технологий), которая нередко превалирует над другими аспектами изменения технологического уклада жизни общества, оставляя на втором плане (но не без внимания) правовые проблемы развития био-, нано- и когнитивных технологий.

В связи с этим технологических сюжетов, оказавшихся в фокусе правовой доктрины, много: цифровизация, искусственное улучшение человека, технологии манипулирования общественным сознанием и др. Соответственно, выявлено немало различных противоречий, как прослеживаемых в отдельно взятых сюжетных линиях, так и характерных для целой группы сюжетов.

Так, в процессе доктринального освоения цифровизации обнаружили противоречия:

— между потребностью в правовом опосредовании общественных отношений, складывающихся в ходе распространения и использования цифровых технологий, с одной стороны, и их правовым регулированием — с другой;

— стратегией жесткого всеобъемлющего государственного регулирования соответствующих отношений и потребностью практики в гибких регуляторах;

— целью и объектом регулирования, с одной стороны, и применяемыми правовыми средствами и инструментами — с другой; и др.

В современных условиях в связи с развитием конвергентных технологий многие сюжетные линии сошлись в одну, в рамках которой развивается более масштабное противоречие, проистекающее из того обстоятельства, что технологические инновации во многом лишены социально-гуманитарного содержания. Это противоречие, по сути, редуцировано к сугубо технонаучному аспекту. Данное обстоятельство чрезвычайно важно иметь в виду для понимания «фабулы» и специфики той качественно новой ситуации, в которой оказались человечество, общество и его системы.

Указанное обстоятельство ориентирует на интегральное восприятие технологических сюжетов, сводимых в данном случае к развитию конвергентных технологий. Происходящие метаморфозы реальности актуализируют и обостряют философские проблемы права, служат предпосылкой к переосмыслению его сущности, роли и значения в жизни современного общества, обуславливают постановку ряда вопросов, касающихся прежде всего следствий технологического прогресса для человека, правовой реальности и правового бытия права. Некоторые ученые даже заявляют о рождении нового права — «права второго модерна»⁵.

технологиями и другими технологическими инновациями, например такими, как технологии конституционных преобразований (оказывающие возмущающее воздействие на право, играющие значительную роль в общественной организации, но не влекущие изменения вектора эволюции человека и его цивилизации). На данное обстоятельство автор обращал внимание в своих выступлениях и публикациях, призывая к откату от одностороннего подхода к изучению влияния технологического фактора на право (см. подробнее: Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16).

⁵ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavati-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>.

В связи с этим актуальной является постановка следующих вопросов:

1) каковы сегодня возможности права для упорядочения и регулирования процессов развития новейших технологий и обусловленных ими общественных трансформаций;

2) сохранит ли право свою роль в общественной жизни и в каких пределах оно будет опосредовать общественные отношения в новой модели общественной организации;

3) что станет с идеей права, его содержанием и формой в будущем, когда новейшие технологии станут обыденным атрибутом жизни людей;

4) какие стратегии и тактики наиболее пригодны для адаптации права к новым условиям?

На наш взгляд, авторитет права, его роль и значение по-прежнему велики, несмотря на отмеченные негативные явления. Можно констатировать, что альтернативы праву как универсальному социальному регулятору нет. Не просматривается она и в отдаленной перспективе. Конвергентные технологии работают на укрепление идеи права. Они являются фактором, объективно и многократно увеличивающим роль и значение права в жизни каждого человека и общества, повышающим их авторитет. Право является тем социальным регулятором, который позволяет защитить человека не только от физического насилия и нелегального государственного принуждения, но и от насилия технологического, объединяющего эффекты действия конвергентных технологий¹.

По сути, у права появляется новая миссия — сохранение человека как биологического вида и обеспечение мирного сосуществования, гармоничной коммуникации людей и «субъект-объектов» (гибридов), созданных и социализированных в результате применения конвергентных технологий (генно-модифицированных индивидов, роботов-агентов, цифровых сущностей и др.). Эта задача едва ли по силам другим социальным регуляторам (морали, религии), так как роботы, цифровые сущности, как бы они ни были запрограммированы и какой бы информацией ни были оснащены, не способны мыслить в системе человеческих ценностей, генерировать их и использовать в качестве ориентира, меры и масштаба поведения. Эксперты утверждают, что не под силу это и искусственному интеллекту².

Таким образом, возникает вопрос о выборе стратегии правового опосредования складывающихся отношений.

Реагируя на происходящие изменения, государства наращивают правовое регулирование динамично развивающихся общественных отношений, сопряженных с приумножением и использованием новых технологий. Одновременно идет поиск новых решений и моделей социальной регуляции, предполагающих повышение роли внеправовых регуляторов, конструирование оригинальных механизмов их взаимодействия с пра-

¹ См.: Хабриева Т. Я. Проекция развития конвергентных технологий в праве // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов РАН / под общ. ред. А. Н. Савенкова. М. : ИГП РАН, 2019. С. 145.

² Там же.

вом, укрепление связи юридических норм с культурой конкретного общества.

Причем эта проблема уже вышла из разряда сугубо философско-правовых и теоретических. Путем эмпирических исследований зафиксировано протекание процесса формирования новой модели социального регулирования, в которой меняется соотношение права, морали и религии, трансформируется «трансграничный» режим их действия на «линии соприкосновения», углубляется взаимное вхождение в предметы друг друга. Этот процесс сопровождается морализацией права, становлением нового регулятора — так называемой легальной этики, распространение которой инициировано международно-правовыми актами³.

Философское осмысление данного явления в контексте онтологии права приводит к выводу, что процесс морализации права — особая форма расширения границ сферы правового регулирования, имитирующая экспансию морали в право, которая обеспечивает его вторжение в личную жизнь человека и социальные отношения за пределами правового пространства⁴ (наглядно это можно проиллюстрировать на примере современных стратегий противодействия коррупции).

Анализируя практику, эксперты констатируют часто встречающееся несоответствие объекта регулирования применяемым к нему правовым средствам и инструментам, отмечают, что для упорядочения принципиально новых отношений государство использует старые подходы и шаблоны, которые для этого не годятся.

В качестве одной из важных причин такого положения дел философы называют «разрыв» ментальности не только поколений, но и различных социальных общностей, указывая, что законодатель в силу формата сознания уже далеко не всегда способен понять логику и механизмы процессов создания и функционирования цифровых технологий, погружения общественных отношений в цифровую матрицу, правового поведения людей, интегрированных в новую реальность. Соответственно, трудно, по их мнению, рассчитывать на адекватные и эффективнее законодательные решения.

В этих условиях государству следует проявлять гибкость, сочетая приспособление уже существующих правовых институтов, коррекцию их функционала с разработкой и апробированием принципиально новых правовых моделей и инструментов⁵. Гибкая стратегия предопределяет некоторые тактические решения. Можно прогнозировать, что в ближайшем будущем возрастет значение казуального регулирования, будут особенно востребованы подзаконное правотворчество и механизм имплементации судебных решений в законодательство⁶.

В процессе осмысления метаморфоз реальности пересматриваются базовые идеи и ценности, обеспе-

³ Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование / Т. Я. Хабриева [и др.] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 3–12.

⁴ См.: Хабриева Т. Я. Проекция развития конвергентных технологий в праве. С. 144.

⁵ См.: Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности.

⁶ См.: Хабриева Т. Я. Правосудие в социогуманитарном дискурсе... С. 21.

чивающие эволюцию права. В связи с этим правоведы соизмеряют идеи индивидуализма и коллективизма в контексте проблем обеспечения социальной справедливости и правовой идентичности, размышляют о моделях их синтеза, конструируют оптимальные модели правового регулирования, способные обеспечить согласие в обществе¹.

В то же время цивилизационные трансформации обуславливают выдвигание на первый план борьбы

и согласования идей гуманизма и трансгуманизма. Вероятно, именно здесь надо искать точки роста новых правовых ценностей. До тех пор пока они не найдены, основой права должно оставаться его понимание как всеобщей нормы равенства для всех, как это повелось еще с эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, сформулировавшей идею права как рациональную картину мира, в котором демократическим образом уравновешены различные социальные силы².

¹ См.: Зорькин В. Д. Справедливость — императив цивилизации права // Рос. газ. 2018. 9 окт.

² Выступление В. С. Степина на пленарном заседании XIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов «Право в условиях цифровой реальности» (Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения, 6.06.2018 г.). Цит. по: Залоило М. В., Шулятьев И. А. Право в условиях цифровой реальности (обзор XIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4 (71). С. 171–187.